

О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

М о с к в а

1967

УЛЬФИЯ

Моя верная тихая перевод
узбекского

Ты постои, соловей,
ты не пой, соловей,

Дай свой голос
попробую я.

ЗДЕСЬ
РОДИЛАСЬ Я

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супэ¹ под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых — улочек клубок,
Гранат в цвету над пыльною дорогой,
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркалаца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепия.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,

---

¹ Супэ — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

Что здесь я в тишине живых ночей
Весенним водам тайну поверяла,

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули¹,
То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждою возмездья пламенела.

---

¹ С у н б у л и — гиацинты.

Я верила, что светлый день придет —
Исчезнут эти тучи с небосвода
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

И, верю незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

1942

ЗОЛОТАЯ
ОСЕНЬ

Как я люблю тебя, о золотая осень!
Рассветный холодок, росой омытый сад,
Деревья, что глядят в темнеющую
просинь,
Их пламенеющий обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжевого цвета
На землю упадет листвы сплошной ковер
И девочки, набрав огромные букеты,
Глядят на их причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Нет, не устану я глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшею корой.

НЕВЕСТА

Пейте, гости!

Ешьте что угодно.

Разве мало плова и вина?

Свадьба в нашем кишлаке сегодня.

Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси

Смотрит на невесту чуть дыша.

Как блестит на тюбетейке бисер,

Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена и рада,

С плеч спадают две косы тугих.

Смотрят гости, не отводят взгляда,

Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,

Может, в третий иль четвертый раз.

Отражались в налитых пиалах

Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,

Ярким светом залит новый дом.

Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..

И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновение это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая.
Хорошо по ней вдвоем идти!

✓ Не смущайся, подними ресницы,
Счастьем быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей. ✓

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...
Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

1946

СИРЕНЬ

Сирень,

сегодня в утреннем тумане
Я видела, как легкий ветерок
Своим прохладным шелковым дыханьем
Погладил каждый твой листок.

Ты шевельнулась, дрогнула листвою,
Бутоны превратились вдруг в цветы.
Так что же он сказал тебе такое,
Что расцвела, что засияла ты?

Я знаю, он пришел к тебе с приветом,
Который передал любимый друг.
Ты озарилась радостью и светом
Любви, не знавшей горя и разлук.

Ты замирала и качалась снова,
Ты долго ветерку смотрела вслед...
Когда же мне от друга дорогого
Счастливый ветер принесет привет?

1946

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье
ветвей,

Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьиная льется газель.

СОЛОВЕЙ

Ты постой, соловей, ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шуточно друзья соловьем
Называют счастливого поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И плывет в лепестковую эту метель
Соловьиная наша газель.

1949

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду.
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

СНЕГ

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы.
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля.
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сновиденьях птиц.

Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

1950

ВЕСНА

Небо ярко-голубое,
Тучки не увидишь в нем.
Вся земля передо мною
Расцветает с каждым днем.

Роща зеленеет снова,
Сад зеленый яснолик,
От тюльпанов степь пунцова,
И не степь она — цветник.

И фиалка молодая,
Расцветая в тишине,
Звонких соловьев скликаая,
Говорит им о весне.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льется песня соловья.

Заглянуло солнце в горы,
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отрадный труд.

Над землей весны дыханье,
Выйти в поле — самый срок.
На поля идут дехкане,
Их ласкает ветерок.

Черноглазы и румяны
Девушки среди степей;
Словно нежные тюльпаны,
Сердце радуют людей.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Дышат утренней порою
Сотни, тысячи цветов.
Расцветает все живое,
Нет для чувства берегов.

Видя весь расцвет природы,
Все цветы и все цвета,
Просиял белобородый
Уважаемый ата.

Блещет небо голубое,
Блещет степь. Простор широк.
В час весны прекрасней вдвое
Счастья нашего цветок.

Человек весной моложе,
Ведь душа весной полна.
Наше будущее — тоже
Беспредельная весна.

1951

... Как мне хочется,
чтоб каждый,
Твое сердце зажжено
высокой жаждой,
Испитие пришел бы
моей стирки...

Кольшется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?

ЗАВИСТЬ

Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?

Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке,
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели.
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...

Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая:
Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.

Так что же зависть вызвало во мне?

✓ Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и
чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб
каждый,

Чье сердце зажжено высокой жадой,
Испить пришел бы моей строки.

Испить пришел бы моей строки!

1958

Прозрачно небо. Ветер с гор
Долины освежил простор.
Вершины снежной белизна,
А у подножья гор весна.

ФАРХАДОМ
ЗВАЛСЯ ОН

Среди утесов по тропе
Навстречу солнцу и судьбе,
Мечтой о девушке объят,
Шел смелый юноша Фархад.

В его глазах — любви недуг.
Но где бальзам от этих мук?
Он среди гор, среди долин
Идет искать свою Ширин.

Волненьем встречи дышит грудь.
Способен горы он свернуть.
В пустыне б, верно, сад расцвел,
Когда бы он Ширин нашел.

Тогда, водой напоена,
В сад превратится вся страна.
Фархад любимую найдет, —
Он силы у любви берет.

Ширин придет, придет она,
Как в небо светлая луна,
И скажет: дал ты жизнь стране,
Ты стал, как счастье, дорог мне!

О, если б видела Ширин,
Как он тоскует здесь один,
Она узнала бы, что он
Навечно с нею обручен.

Он пел о солнцеликой, той,
Что блещет дивной красотой.
Ему внимают горный край,
И вторит песне звонкий «най».

И, этой песней опьянен,
Его мелодией пленен,
Неся прохладу, ветерок
В лицо джигита дул. Цветок —
Его у нас зовут райхон¹ —
Раскрыл свой розовый бутон.
И в голубые небеса
Нежнейший запах полился.

---

¹ Р а й х о н — цветок базилик.

Внимая песне, тростники
Качнулись в лад ей у реки.
Внимая песне, соловей
Забыл мгновенно — о своей.

И, песню слушая, родник
Свой бег остановил на миг.
Когда Фархад влюбленный пел,
Весь мир, казалось, онемел.

И лань, готовая к прыжку,
Застыла вдруг. Свою тоску
Он в песне вылив, изнемог
И тихо на землю прилег.

И позаботились о нем
Цветы, роскошным став ковром.
Колючка на сухом песке
Желала стать цветком в руке.

И, как заря, в горах, багрян,
Расцвел для юноши тюльпан.
Весь воздух, что звенел вокруг,
Желал унять его недуг.

Певец влюбленный замолчал,
И голос эха зазвучал:
«Тебя Фархадом нарекли
Во славу матери-земли.
Пусть это имя повторят
Леса и горы все! Фархад,
Что означает с давних пор —
«Великий победитель гор».
Чтобы свою Ширин найти,
Ты сроешь горы на пути.
Смелей иди, гор властелин,
И ты найдешь свою Ширин!»

...Аплодисментов мощный вал
Собой заполнил светлый зал.
Стоял артист. И торжество
Во взгляде было у него.

Опущен занавес. И вновь
Он поднят. Будоражат кровь
Аплодисменты без конца.
Цветы летят к ногам певца.

Стоял артист. Как был он рад,
Что людям по сердцу Фархад,

Что песня для людей — как свет.
Ему награды большей нет.

И долго, долго не стихал
Искусством покоренный зал.

II

Жизнь, как долинная весна,
Была безоблачно ясна.
Пестрели на лугах цветы.
Смеялось солнце с высоты.
Под этим солнцем жил народ,
Смотря уверенно вперед.
Но, небо счастья затемнив,
Весну в ненастье превратив,
На родину напал фашист.
Тревогу протрубил горнист.

И пожилой и молодой
С оружием встали в грозный строй.
Ни сил, ни жизни не щадя,
И день и ночь бои ведя,

34

Мы шли к победе. Хлопкороб,
Простой рабочий, землекоп,
Художник — все богатыри.
И среди них — Кабул кари.

Искусству он сказал: «Прощай!»
И в бой пошел за отчий край.

III

Кабул кари пришел в себя.
Глаза сиянием слепя,
Стояло солнце в вышине.
Он поразился тишине.

Лежал он в поле, недвижим.
Его оружие — рядом с ним.
И, как струна напряжена,
Давила уши тишина.

Вот, пронизав его насквозь,
Дыханье боя донеслось.
Он поднял голову, взглянул,
И взгляд в просторе утонул.

Степная Украины даль
Лежала, как сама печаль.
И канонадой ухал фронт,
И весь в огне был горизонт.

«Где ни ступил проклятый враг —
Разграблен дом, разбит очаг.
Пускай же жала пуль моих
Разят врагов, находят их!
О, месть святая! Ты бойца
Зовешь бороться до конца.
Но ранен я. Я не могу
Идти вперед и мстить врагу.
Бессильный, должен я лежать,
Мне автомат не удержать:
Огонь мою сжигает грудь.
Я продолжать не в силах путь.

Но сердце — хочет жить оно
И жаждою борьбы полно.
И ослабевшая рука
К оружию тянется, пока
В сознание я... Ты прочь, слеза!»
И гневом ожили глаза.
Кабул кари еще живет,

Еще душа его поет:
«Отчизна милая моя.
Мои родимые края!
Чтобы свободу отстоять,
Чтоб водворился мир опять,
Проявим мужество в борьбе.
Отчизна, я служу тебе.
Во имя солнца над тобой
Готов идти я снова в бой».

И к солнцу устремил свой взгляд
Кабул кари, герой Фархад.
Уже кончался сил запас,
Казалось, он уснет сейчас.

Он в небо чистое глядел.
Прозрачный воздух голубел.
И, словно в зеркале, он в нем
Себя узнал в краю родном.
И смерть, что рядом с ним была,
На шаг послушно отошла.

Увидел он Узбекистан,
Друзей и щедрый дастархан,

Знакомый двор, старушку мать —
Ему ее не обнимать.

В атласном платье, как заря,
Его улыбкою даря,
Навстречу, радости полна,
Идет любимая жена...

Себя на сцене видит он:
Стоит он, рампой озарен,
Фархадом, в муках о любви,
С огнем в глазах, с огнем в крови.

Он видит горы, что крушил,
Весь край родимый, где он жил,
Весь мир, что был на счастье дан,
Любимый свой Узбекистан.
И ощутил он сил прилив.
«Я в бой пойду! Я буду жив!»

Душа огнем опалена,
Его к себе зовет война.
Руины черные сквозь дым
Плывут в молчанье перед ним.

Поля пшеничные в огне,
И тучи дыма в вышине.
Пожары — их теперь не счесть.
Все говорят: «Священна мечь!»
И долетает издали
Тяжелый, долгий стон земли.

Он ясно видит пред собой
Своих друзей, идущих в бой,
И как под натиском атак
На запад покотился враг,
Как с красным знаменем вперед
Победа гневная идет.

Он медленно глаза смежил.
Себя спросил он: «Как я жил?»
На сцене я Фархадом был,
Искусство я, как жизнь, любил.
Мне сцена словно дом родной,
А песнь была б моей сестрой.
Когда разгромлен будет враг,—
Я знаю: это будет так,—
С тобой я буду, мой народ.
А кто с тобой — тот не умрет!»

* * *

Река спокойная течет.
Арча зеленая растет
На берегу. В тени ветвей
Могила. Надпись есть на ней:

«Лежит здесь тот, кто пал в бою.
За жизнь он отдал жизнь свою,
Герой-боец Кабул кари».
При свете утренней зари
Здесь шепчут травы. Ветерок
Качает розовый цветок —
Райхон у нас его зовут.
Навечно здесь нашли приют
Напев Лейли, тоска Ширин.
Спокойно спи, Отчизны сын!

Луна с заоблачных высот
Серебряные слезы льет.
Она заходит, говоря:
«Заря! Скорей взойди, заря!»

1943

САДОВНИК
ДАЛЕКО

Когда я тебя провожала, любимый,
Стояли морозы. А нынче — весна,
В саду распускаются нежные розы...
А сердце — с тобою, а сердце без сна!..

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я —
«Скажите мне, розы, скажи мне, мой сад:
Где добрый садовник ваш, где он?!»
А розы
Раскроют бутоны и так говорят:

«Садовник далёко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны,

Чтоб нивам сожженным, чтоб сломанным
розам
Восстать, возродиться, расти и цвести,
Чтоб в дыме пожарниц мятущимся птицам
В гнездовья вернуться и гнезда сплести;

Чтоб ложь перед правдой смирилась
навек,
Чтоб девичьи очи не гасли от слез,

Чтоб юноша девушке нежные розы
Рукой, победившей врага, преподнес.

Он там, твой любимый, он там, где герои
За дело свободы сраженья ведут.
Так пусть же отважным героям народным
Их девушки розы свои отошлют.

И ты отошли нас в подарок герою,
Гонцами негаснувшей страсти пошли,
Чтоб в непогодь злую, в лихую опасность
Любовью твоей мы его сберегли,

Чтоб нежностью нашей, чтоб нашим
дыханьем
Дышать ему в тяготе дымных боев,
Чтоб львиная в сердце вливалась отвага,
Чтоб слава с ним рядом — на веки веков!»

Вот так на рассвете я слушала речи
Цветов обновленных, и, сердце раскрыв,
Припала я к розам, тобою возвращенным,
Всю душу мою в поцелуй перелив.

1942

Потупившись, идет по пыльному Ташкенту
Средь праздничной толпы суровая вдова...
Старушка на букет повязывает ленту,
И пахнет розами густая синева.

НАВСТРЕЧУ

Знамена алыми струятся парусами,
Колышется людской взволнованный
прибой.

И арбы, крытые пунцовыми коврами,
И гулкие авто спешат наперебой.

К вокзалу все спешат, пылая нетерпеньем,
И плача, и смеясь, и вороша цветы...
Вдова глядит им вслед. И горестным
смятением

Искажены ее спокойные черты.

И входит в дом она, где в теплых бликах
солнца

Глазами строгими глядит навстречу ей
Большой портрет того, кто с битвы не
вернется

И не осветит дом улыбкою своей.

Облита холодом внезапного страданья,
Как будто на портрет взглянула в первый раз,
Стоит она без сил и словно без дыханья,
И слезы крупные текут из черных глаз.

«Они идут встречать... Чтоб встретиться с тобою,
Весь мир бы я прошла послушною стопой,
Я жизнь бы отдала счастливою рукою
За краткий миг один свидания с тобой...

О, как цветы цветут!.. Все горести и беды —
Разлуки тяжелой мрак, давивший столько лет,—
Сгорели, сгнули в сиянии победы,
И воинов своих встречает наш Ташкент.

Они шагали в бой плечом к плечу с тобою,
Делили хлеб и соль, атаку и привал.
Они тебя родной засыпали землею,
Освободив село, где ты в сраженье пал.

Встречает их народ. А я, согнувши плечи,
Потухшие глаза от светлых прячу звезд.
Одна стою... Цветы и те цветут для
встречи,
И даже птицы к ним летят из тихих
гнезд!»

Решимостью полна, в цветник она вбегает,
Хозяйкою идет по пояс меж цветов
И розы яркие по цвету подбирает,
Отряхивая пыль с румяных лепестков.

На площади толпа шумит веселым
ливнем:
«Подходит эшелон! Подходит он, смотри!..»
...И женщина стоит, обняв рукою сына,
С охапкой красных роз, в сиянии зари.

1945

ДВЕ
ПОДРУГИ

Розовеет синий край небес,
Всходит солнце на крутые горы,
Хлопка вновь раскрывшегося блеск
Затопил широкие просторы.
Раздвигая пышную листву,
По волнам зеленого прибоя
Девушки не ходят, а плывут,
Соревнуются между собою.

Хороша красавица Гульшан,
Сдержанна она и молчалива,
А подруга, бойкая Айша,
Своевольна, как поток шумлива
И порой остра на язычок...
Хоть подруги меж собой не схожи,
Так они дружны, что волосок
Между ними проскользнуть не может.

И прилежно трудятся они,
Хлопка розы белые собирая.
Поле все покрылось в эти дни
Белизной от края и до края.
А над ними — алый небосклон,
Пробужденья голос соловьиный,

И коробочек чуть слышный звон,
И далекий шелест тополиный.

Выпрямив высокий, стройный стан,
Засучивши рукава по локоть,
Говорит Айша: «Смотри, Гульшан,
Как сегодня в поле много хлопка.
В дни войны с зари и до зари
Хлопок собирали мы да дети,
А теперь вот в поле посмотри! —
И джигиты за колхоз в ответе...»

В отдаленье тополей листва,
Как узор тончайший, серебрится...
Хлопка вороха подняв едва,
Двинулись к хирману мастерицы.
А хирман — все выше, все белей,
Словно снежная гора сияет.
На вершине, в пламени лучей,
В час полудня солнце отдыхает.

Зазвучавши где-то за горой,
Песня огласила поднебесье,
И, от солнца заслонясь рукой,
Девушка заслушалась той песни.

На подругу глянула Айша:
«Как поет! Как звонко и высоко!
И в труде — широкая душа,
И на фронте смелым был, как сокол,
Каш Камиль». —
«Нет... это Туляган», —
Торопливо молвила Гульшан.

«Эй, подружка! Что любовь
скрываешь?»

Стуком выдают ее сердца...
Как же это ты не отличаешь
Голоса известного певца?
То Камиль поет, тебя любя,
Разум отнимая у тебя».

«Растопчу любовь я вместе с пылью,
Если станет разум отнимать.
Я — неровня гордому Камилю,
Так зачем его мне замечать?»
И Гульшан движением привычным
Белый ворох подняла с земли,
И коснулся хлопок щек девичьих,
Что как маки алые цвели.

За работой спорой минул день,
За сердечным этим разговором;
Сумерки окутывают горы,
Как джиды причудливая тень.
Днем удачным табельщик доволен,—
Полновесен хлопок, труд высок.
Девушки идут тропинкой с поля,
С гор летит навстречу ветерок.
Под луною в ручейке лучатся
Струи света сквозь просвет теней.
Девушкам луна желает счастья,
Доброй ночи и веселых дней.

1949

МАТЬ

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля.
В колыбели ребенок, как облачко белое,
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпеньем ее ожидали здесь,
О, как нежно ребенка она обняла!..
Материнская грудь пахла теплою мятою,
Словно летнее солнце, горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный,
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И, как ветер, уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..
Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые.
О, трудом заработанный час тишины!
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде.
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель
хлопчатника,
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней
страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца,
А душе материнской покой не знаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы
Этот мальчик впитает с ее молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —

Видит этот колхоз повсеместно
прославленным,
Видит сына хозяином новых полей.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды
кремлевские,
Незакатные звезды горят в вышине.

1950

ЖЕНЩИНА
В ПАРАНДЖЕ

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда как тень ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой.
Может быть, на нем загару меньше?
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле,

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди?

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековой,
На тебе не просто ведь чачван,—
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

1950

МАРТОВСКИМ
УТРОМ

Румяная, над снежными горами
Заря восходит, разгоняя тень.
Весенним утром с первыми лучами
Моя столица начинает день.

На тротуарах лужи просыхают,
Отсвечивая блеском золотым.
И спутница меня перегоняет:
Спешит она к ученикам своим.

Профессор — дочь узбекского
народа,—
Она открыла тайны древних гор,
Ее лицо в сиянии восхода,
И глубь земли ее пронзает взор.

Она годами горы изучала,
Вершины, перевалы их прошла.
И редкие сокровища металла
Она, досель сокрытые, нашла.

Она спешит, чтоб передать студентам
Секрет своих открытий и побед.

И ветер странствий солнечным
Ташкентом
Летит по улице за нею вслед.

А горы белоснежные, сверкая,
Торжественный приветствуют восход.
У их подножья, корпуса вздымая,
Металлургический гудит завод.

О, как она звучна и величава,
Победы песня над родной землей!
А в песне этой и твоя есть слава,
Моя подруга, друг чудесный мой!

1955

С В Е Т

Уходя, сказала мать седая:
«Дочка, спи!» — и погасила свет.
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и цвет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: «От века
Не было подобных Ильичу!»
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный
света,

Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетия,—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

1957

ВЕЛИКОЕ
РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидел аксакала.

Работа спорилась у старика
В руках, что были крепче твердой стали,
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года,
Не сгорбили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая...
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?» —
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
«Жизнь — это свет, и счастье, и свобода,
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!»

1957

61

ЧАСТИЦА
СОЛНЦА

Настала на собрание та минута,
Когда чачван с себя сняла она
И бросила, и засияла будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджин¹ — ее пожитки,
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон.
Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

---

¹ Х у р д ж и н — переметная сума из ковровой материи.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.
Наверно, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

1957

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его, в злобе своей непреклонный,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

1962

ОСЕНЬ

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется
счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит как пламя рассказ обо мне.

1961

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный робкий огонек.

Сказали мне: «Гори не угасая!
Мы знаем, что губителен пожар.
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будут нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила —
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

Но, что называла я
любовью,

Мне вдохновением
зову.

ПРИЗНАНИЕ

Ты отважен, юноша правдивый;
Полюбив, ты втайне не горишь.
Черноглазый мой, красноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтила
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы,—
Силы не нашла сильнее любви.
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

1944

СЮЗАНЕ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза.
И в мире с той поры светло мне только
с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной как радуга
блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских
гор:
И роза, и райхон, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охалки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острие мне укололо руку.

Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли
разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
«Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой!» —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине,
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на
бумаге.

И это сюзане — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг.
Он ярок, словно сад во время листопада.
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

1943

1. ВОСПОМИНАНИЕ

Любимая, ты помнишь праздник Мая,
Когда с тобой мы встретились в саду?
Над нами ночь склонилась голубая,
Шептались тихо тростники в пруду.

ДВА
СТИХОТВОРЕНИЯ

В струистых сонных водах отражаясь,
Качалась одинокая звезда.
Мы рядом шли, и мне тогда казалось,
Что вместе мы с тобою навсегда.

Была ты в белоснежном длинном платье,
В венке из ранних огнецветных роз.
В ту ночь тебя невестою стал звать я,
Весь свет души своей тебе принес.

Как струны, нам под ветром волны пели,
Звенели, ударяясь в парапет.
На ветках соловьи роняли трели,
И сердце откликалось им в ответ.

В траве луны серебряные слитки
Сверкали под горой у наших ног.
Мне не забыть прощанье у калитки...
Не знали мы тогда с тобой тревог.

Сейчас, любимая, я от тебя далеко.
Вокруг меня в дыму лежат снега.
Сил не щадя в сражениях жестоких,
Повергнувшись в прах поклялся я врага.

Бесстрашно встал я на переднем крае
Своей отчизны, честь ее храня.
Пиши на фронт мне чаще, дорогая,
Не плачь напрасно, помни про меня.

2. ВЕРНОСТЬ

Мой друг, твое письмо издалека
Доставила мне почта полевая.
В нем дышит лаской каждая строка,
Правдивая, сердечная, живая.

У нас весна... Лежат в цвету долины.
Прозрачна даль, спокойна и ясна.
Над нашим садом стала голубиной
Твоих родных небес голубизна.

На берегу пруда, где были встречи наши,
Пылают розы заревом зарниц.
Роса звенит в их лепестковых чашах
От дружных криков перелетных птиц.

В саду с твоею маленькой сестренкой
Мы бережно растим твои цветы.
В ее чертах, задумчивых и тонких,
Легко узнать, мой друг, твои черты.

В аллеях, там, ко мне склоняя ветви,
Твоим дыханьем дышат тополя.
Твои слова мне повторяет ветер,
Твои следы там бережет земля.

Разлука долгодневная скрепила
Любовь и дружбу нашу навсегда.
Тебе верна по-прежнему я, милый,
Твоим гвардейским мужеством горда.

Внимаю и заботой неустанной
В селенье я своею окружена.
Везде и всюду ты со мной, желанный,
Моя душа всегда тобой полна.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,
Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

1944

МЕЧТА

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,—
Выпрямисься с прежней прямотой,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица,
Но когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта — как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил
И того приводит нас на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала,—
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум,
И яснее времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом,
В каждом камне вижу я цветок;

Каждая былиночка прекрасна;
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву;
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновением зову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

1947

Солнце радостно в каждую входит
морщинку,
Солнце блещет в глазах, на руках...

Эти грубые пальцы дарят меня светом,
А глаза нерожденную песню — теплом.
О, каким опишу тебя словом иль
цветом,
Жаркой кистью, живым ли пером!

Словно к жизни самой, я к тебе
приближаюсь,
Моего поколенья ты стала судьбой,
Как при чтенье бессмертных стихов,
возвышаюсь
Я душой от беседы с тобой.

Да, в чертах твоих — жизнь,
и высокое чувство
Счастья, мира, труда, и расцвет бытия.
Напишу твой портрет: мне помогут
искусство
И рабочая слава твоя.

1961

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

ПРИШЛА ВЕСНА,
СПРАШИВАЕТ
О ТЕБЕ

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,

Что стала бурей, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?» —
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей.
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?»

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?»

Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвести,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

1945

ЗАЦВЕЛ
УРЮК

«Зацвел урюк наш у окна» —
Так ты писал, когда был жив.
Урюк цветет. Живу одна,
На сердце камень положив.

О, если бы могли года
Огонь разлуки погасить!
В изнеможении сюда
Пришла свиданья я просить.

Протосковавши вечер весь,
Опять в знакомый дом вошла,
Одна заночевала здесь,
Где я с тобой вдвоем жила.

Рекой добра и теплоты
Здесь наша молодость текла.
Здесь счастье было. Здесь был ты.
Здесь я тобой полна была.

Здесь в доме каждый уголок
Напоминает ночи те,
И прежней песни уголек
Нет-нет и вспыхнет в темноте.

Здесь, глядя в милые черты,
Притихнув, молча я ждала,
Пока стихи допишешь ты
И оторвешься от стола.

Здесь ты их первой мне читал:
Ты, я, и больше никого...
И поднимал глаза и ждал
С немym вопросом: «Каково?»

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось.

Горжусь, что ты писал при мне.
Пусть каждая строка твоя
Давно завещана стране,
Но первой — слушала их я.

До смерти не забуду — нет! —
Тех прежних, тех счастливых нас.
Уже зарозовел рассвет,
Так и не дав сомкнуть мне глаз.

Твой голос как глухая боль:
«Зацвел урюк наш у окна...»
И со свидания с тобой
Опять я уйду одна.

1945

МОЯ ПЕЧАЛЬ,
ТВОЯ БЕДА...

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня —
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженной,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней.
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

1945

91

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне
нужен ты!

Поговорю с тобою, посижу я.
Давно ли ты, мой друг, мне приносил
цветы?

* * *
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

*
Забывать ли дни любви, горенья и труда!
Теперь ко мне навстречу ты не
выйдешь.

Лишь радость видел ты в моих глазах
всегда.

Теперь ты даже слез моих не видишь.

1945

* *
* *
* *

Все прекрасное, святое,
все, что вижу я вокруг,
О тебе напоминает,
о тебе, мой чистый друг.
Я вести борьбу не в силах,—
потому, что я слабей,—
С блеском глаз, кипеньем сердца,
волей твердою твоей.
Но когда в былые годы,
что мне снятся до сих пор,
Знали мы обиды горечь
и вели порою спор,
Знали вспышки и размолвки,
о мой друг, скажи, тогда
Разве были мы несчастны,
в те бессмертные года?

1950

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней,—
Они слывут недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстояние велико,—
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,—
Твое смятенье и твоё горенье!

Мне, капле, что почет и непочет?
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом.
Как будто что-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была пьяна.
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля — я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья,
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

1961

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

З В Е З Д А

Звезда далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
«Подруга, я с тобой, с тобой любовь
большая».

1944

В ОКЕАНЕ

Океан. Пароход. Светлый,
радостный час.
А на пальмах — гляди — обезьяны.
Словно тысячью глаз солнце смотрит
на нас,
И в сердцах — этот свет несказанный.
Вновь мы стали детьми у природы
в плену.
Нет, не выпустит нас чаровница!
Песня льется, несет за волною волну.
Что ж молчишь ты? Молчать
не годится!
Эта песня — как знамя, чей зыблется
шелк,
Это — друг, что беседует с другом.
Мой земляк, мой товарищ, зачем ты
примолк?
Почему ты охвачен испугом?
Ты, нахмурясь, не слушаешь песни
слова,
А слова подозрений так праздны.
Видно, ты позабыл, что давно я вдова,
И твои подозренья напрасны.
Не позволит он мне, — тот, кто
в сердце моем, —

Увести тебя тропкой тревоги,
Чтоб детей ты покинул, оставил
свой дом...
Нет любви, нет на этой дороге!
Подозренье, ты мне угрожай,
как прибой,
Берег бурной волной рассекая,
Но смотри, я стою как скала
пред тобой,
Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана,—
Тот, кто в сердце моем, не умрет
никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

1961

тихи вставали,
как мосты,
для нашей дружбы,
нашего сближенья...

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!
Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих
горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен.

А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!
На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил бы по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и свету.
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычай Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,

Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом;
На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблукком...

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком —
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.
Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,—

У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!
Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.

С поэтов сикхи не сводили глаз —
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали.
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты,
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О, вечер Индии! О, песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенья всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...
Ты — весть о хлебе, благе и покое.
Не шутка, не игра —

Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жильё;
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов,
Пусть все, кто сеет, все, кто строит
счастье,

Услышат этот зов.
Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.
Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

В СОСНОВОМ
ЛЕСУ

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные жители тени,—
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь средь мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум,
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

1947

На белом листе бумаги — алая тень зари,
Потухли заката флаги, ночные зажглись
фонари.
Открыто окно — и прохлада коснулась
горячих рук...
Я слушаю шорох сада, на улице каждый
звук.
Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас
детвора,
А для меня наступает любимой работы
пора.
На свет моей маленькой лампы, в рабочий
мой уголок
Приходят родные мне люди
со всех городов и дорог.
Строители, хлопкоробы, работники рек и
гор
Со мной продолжают долгий искренний
разговор.
И каждый хочет по праву увидеть в моих
стихах
Свою трудовую славу, творческий свой
размах.

ДОБРОЕ УТРО,
ЛЮДИ МИРА!

Прямо у этого сада — новых плотин огни...
Ветер с вершин коммунизма, побед
и дерзаний дни!

Я лампу гашу — не надо, мне без нее светло!
Радую сердце поэта, солнце уже взошло.
Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброе утра, люди мира на всей земле!

1950

ИДУ Я ГОРОДОМ
РОДНЫМ...

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная
вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне
знаком.

Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим
будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.

«Где близкие мои в потоке
многолюдном?»
И солнце ласково сказало мне в ответ:

«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда
проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!»

И мне представилось:

там, на подъемном кране,
Туркменка трудится, и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане —
Как солнцу светлый гимн, что девушка
поет!

И мне представилось: там, на реке

Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире, —
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,

и сердце так похоже
На карту Родины!
Как ни был бы далек —
В тайге или в степи, суровый иль
пригожий, —
Но дорог, близок, мил мне каждый
уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни

сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?

117

Приходит песня к ним, чтоб ярче
разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но
родных;

Они живут во мне.
И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой
скромный стих.

1954

НЕ ПРОЙТИ
ВОЙНЕ!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег!
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье — друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла, как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
«На мои ты плечи обопрись»,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: «Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!»

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

120

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
«Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!»

1956

Мне хочется запеть — да будет песнь
крылата! —
Но слов я не найду, волнением объята.

Мы, Средней Азии горячие сердца,
Египту песнь поем, приветствуем борца.

ТЕБЕ,
ЕГИПЕТ!

Меж нами пролегли моря и горы мира,
Но рядом встал Ташкент, как друг
и брат Каира.

Оковы разорвал познавший волю раб,
И стал хозяином своей земли араб.

Для счастья трудятся сирийка, египтянка,
Певунья Азия и Африка-смуглянка!

Я видела народ, что всюду знаменит,
Я видела тебя, бессмертный Порт-Саид.

Я видела твой прах, суровый, величавый,
Я видела твой стяг — то был тюльпан
кровавый.

НАВСТРЕЧУ
ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

1962

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна.
Отраженья в воде, как волшебную книгу, читаю,
И чудесна ее новизна.

Но и этого мало,— поэт с вдохновенною песней
Появился и горную даль предо мной распахнул.
К О К Ч Е Т А У Он сказал: «Ты поверь мне, что станешь моложе,
преlestней,
Если ты поглядишь в Ойнакул».

О Зеркальное озеро, камнем на дно твое лягу,
Затеряюсь я в роще твоих заплясавших берез,
Но возьми меня, властное, дай мне воспеть твою влагу,
Ту, что мне чародей преподнес.

Смотрят два моих глаза, как два удивленных джейрана,
На открывшийся мне с высоты беспредельный простор.
То, что виден мне мир далеко-далеко, разве странно?
У весны, у любви зоркий взор!

Все тропинки, как строки стихов, для меня зазвенели.
О, как сердце бурлит! Нет, оно — не озерная гладь,
Жаждет песни оно от иголочки каждой, как ели
Жаждут лапами солнце достать.

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной хвое?
Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,
Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза — как родник, жаркий взгляд задушевен, как друг.
Их молчанье — молчанье вулкана, а песня — как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь — иль русалкам,
Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косо́го разреза.
В них решимость. Стоит он скалой, что не может упасть!
«Нас в а́уле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной странюю.
Мне бы тоже такую сложить!

1962

ТЮБЕТЕЙКИ
С ПУШИСТЫМИ
СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятиях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певича,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газели,
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесок звенит серебро.
Перья филина, эти султаны,— как сон несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом.

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям. А друзья, понимаете сами, —
Те орлы молодые, которые ждут их всегда».

Юный друг мой в отчаянье... Семь сновидений румяных
В семь сторон устремляются, будто бы семь ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с самого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Непременно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алма-атинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят.

В раннем детстве и я тюбетейку с султаном носила.
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

1962

ВЕЧЕР
НА БАЛХАШЕ

День отдыхает, устав от гостей и забот,
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое вместо солнца пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету,
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День одарил меня влагой вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темиртау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо!
С юртой акына сравню я рыбачьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь, будто слово: вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка!

Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,
Скоро с добычей мы будем».
Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зыбка.
«Гостья, добычу бери! — говорит мне казах.—
Что там на удочке? Рыбка!»

Но чешуей — серебром древних денег блестя,
Горькой полна укоризны,
Смотрит она так беспомощно — будто грустя
И умоляя о жизни.

«Друг мой рыба, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души,
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду,
Рыбку заметишь,— так знай: это песня моя.
Дай же ей, рыбке, свободу!»

«Ладно,— рыбак говорит.— Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

1962

ЧАРОДЕЙСТВО
ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волненье обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок небес, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

. →
1962

5

Я иду по дороге,
любимым завещанной.

Прав народ, что счастливой
назвал меня женщиной!

ДУМЫ

То ли, торопясь, меня торопит
Прожитых годов нелегкий опыт?
То ли пройденных дорог наказ
Слышу каждый день и каждый час?

То ли жизнь настойчиво, как мать —
Та, которую хочу понять,—
Говорит мне: «Счастья ты просила —
Так ищи его, ищи всегда!»
То ли в сердце иссякает сила,
Будто в тихом родничке вода:
Никого не напоив как следует,
Высохла,— никто о ней не ведает?
Но приказ «Трудись!» во всем мне слышится.
Оттого-то мне так жадно пишется!
Я упорно буду рыть иглою
Землю, а живой родник открою!
Если я увижу, что не светится
Пламя счастья в сердце у меня,
Вспыхну я сама — и всем, кто встретится,
Буду я источником огня!

Отниму могущество у слова,
У неугасающей звезды,
У горы, у гордой той гряды,

Что, как мой отец, седоголова,
У речной стремительной воды,
Что блещит, трепещет каплей каждою...
Я томлюсь такой же светлой жаждою,
Как пустыня, ждущая канала.
Кажется: такую мощь познала,
Что поднять легко мне шар земной.

О чудесном космосе наука
Породнила так меня с луной,
Что луну, как внучку или внука,
Будто мне планеты — дом родной,
Я возьму да посажу на плечи!

Дорог сердцу голос человеческий,
Я беру слова у всех людей, —
Капельки сливаются в ручей
И становятся судьбой народной.
Из ручья я пью и отдаю
Каждому по капле жизнь мою,
Чтобы не была земля бесплодной.
Вольно дышится, когда пою,
Жадно пишется в родном краю!

То парю я над страной, как птица,
И покуда сердце будет биться,
Для людей готова я трудиться,
И не скажет сердце:
«Жизнь прошла...»

1965

САДОВНИК

Идет садовник. В цветнике —
Его душа.
Секатор у него в руке,
За поясом — теша¹.

Плывет над садом синева,
Пронзительно блистая.
В саду есть прелая листва,
И травка молодая,
И солнце есть, и ветерок, —
Всего не счесть.
Есть бархатистый мотылек,
И гусеницы есть.
Есть все, есть все, чтобы цветы
Росли кругом:
В одном — источник красоты,
Источник запаха — в другом,
А третья ради зла живет
И корень жизни рубит.

Лелеет добрых садовод,
А злых не любит.

---

¹ Т е ш а — топорик.

Он действует тешой своей,
Сперва очистив
Кусты и почву от червей
И прелых листьев.
Но вот уже сучков сухих
Закончена подрезка...

Не так ли создается стих —
Взыскательно и веско?
Шагает он, цветенью рад,
По солнечной дороге.
Он, как отец, глядит на сад
И как ваятель строгий.

Он долго в их вникал черты,
Смотрел проникновенно,
Пока не отобрал цветы
И бережно и вдохновенно,
То отдаляя их от глаз,
То приближая,
Покуда в розах не зажглась
Краса земная.
Он любовался: вот сапфир,
А вот алмаз.

Казалось, в розах целый мир
Живет сейчас!

Садовник на супу¹ принес
Охапку роз.
Охапка радовала взор,
Но он продолжил свой отбор.

Он выбрал лучшие из лучших,
Поклясться был готов:
Нет в мире более пахучих,
Приманчивых цветов!
Они достойны высшей чести
На празднествах людских:
Они достойны, чтоб невесте
Их преподнес жених!
Садовник счастлив: он уверен,
Что не был труд его потерян,
Что совершенства он достиг,
Что дар его хорош...

А ты, поэт, когда свой стих
Ты в сердце создаешь,

---

¹ Супа — глиняное возвышение, на котором сидят или лежат.

Когда очистишь ты сперва
Свои отборные слова
От хлама и от сора,—
Уверен ли, что мастерства
Достигнешь так же скоро?
Что твой цветник шумит листвою
И что поэзии живой
Явил ты образец?
Как только скажешь ты, поэт:
«Я создал лучший плод и цвет»,—
Тогда тебе конец.

1965

В той тишине, что всюду разлита,
Сменяется согласным звуком гласный,
И горизонта алая черта
Напоминает мне уток атласный.

ВЕЧЕР

Окончен день работ и день забот.
Пора домой семейным возвратиться,
А молодых в свое гнездо зовет
Таинственная, вещая жар-птица.

Там, где арык блестит стальным путем,
Как саженьцы, что выросли дружно,
Беседуют влюбленные. О чем?
Мне отгадать нетрудно, но не нужно.

На всей земле они теперь одни.
Замолкни, ветер луговых раздолий,
И ты склонись, трава, и ты усни,
Трудолюбивое родное поле!

Как уголь в кузне, остывает день.
Предвестник ночи — месяц — на востоке.
Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

1965

146

Это вишни выстроились в ряд?
Нет, костры в одном ряду горят!
Утром прелесть вишен обожгла меня,
Показалось: ветви — в белом пламени —
С солнцем говорят!

**ВИШНИ, СТОЯЩИЕ
В ОДНОМ РЯДУ**

Днем у вишен свадебный наряд.
Отчего их лица так горят?
Свадьба ль комсомольская готовится?
Вишенки пред зеркалом становятся,
Выстроились в ряд.

Вечером, когда плывет закат,
Вишни, что в одном ряду стоят,
Караваном хлопковым мне кажутся...
О мой день, как ты прекрасен вновь!
Пусть навек в моем сознание свяжутся
Труд, цветы, любовь.

1965

НЕБОЛЬШОЕ
СЕЛЕНЬЕ

Небольшое селенье шумит, как родник,
И в язык этих мест я вникаю.
Я устала. Присесть не успела — старик
Подает мне холодного чаю.

Ах, отец, не живая ли это вода
Мне на долю сегодня досталась,
Потому что, как только пришла я сюда,
Так рассталась со мною усталость!

Будто внутренний голос мне властно сказал:
«Все лови своим слухом и взглядом!»
Мне гудение слышится... «Универсал»?
Значит, поле колхозное рядом.

Песнь реки, словно лепет младенца, сладка,
Щебет птиц, и полдневное пламя,
И похожа на легкую рябь родника
Тень, рассыпанная тополями.

Сколько дарят урючины круглых монет:
Золотых здесь не меньше миллиона!
Сквозь листву льется свет, синий свет, звонкий
свет,—
То дробится стекло небосклона.

В речке утки-пловчихи сноровкой горды,
И узбечка на велосипеде,
Словно лебедь, белеет у горной гряды
И спешит, словно весть о победе.

Говорит мне старик: «Это наш агроном,
Подчиняется ей вся долина».
Опьяненные юным, сверкающим днем,
Вышли девушки из магазина.

Агроном... Скоро ль вниз возвратится она?
Я слежу за ней пристальным глазом.
Это ты поднимаешься вверх, Фергана,
Это светится людям твой разум!

1965

МОЛОДАЯ
ВДОВА

На лице появились морщины страдания.
✓ Хочешь в землю зарыть свою молодость вдовью?
Но не примет земля твоего увяданья,
Ибо вместе с тобой дышит новой любовью!

Задушить хочешь чувство, что зреет несмело?
Но когда наступает пора созреванья,
Надо новому чувству отдаться всецело,
Надо жизнь полюбить — нет прекрасней призванья!

Память прежней любви оскорбить ты боишься?
Но она тебе счастья желает чуть слышно.
Почему ты от ветра и ливня таишься?
Если корни крепки, листья вырастут пышно.

«Половиночка счастья, — нас учит присловье, —
Словно зеркало, на две разбитое части».
Ветром жизни развеи одиночество вдове,
Ибо жизнь — это цельное, полное счастье! ✓

1965

150

Рассвет — как дым, что пахнет сытой пищей,
Огромный город с виду так богат,
Но он похож на дом невесты нищей,
Где украшенья взяты напрокат.

«Бахшиш!..» О, сколько чаяний и жалоб
В том слове, что все время ты твердишь!
«Бахшиш! Бахшиш!..» Земля вольней дышала б,
Когда б ты, парень, не просил: «Бахшиш!»

БАХШИШ¹

(Из путевого дневника)

Бахшиш — звонок на шее верблюжонка,
Что караван надежд спешит догнать.
Когда «Бахшиш!» кричишь ты резко, звонко,
Не унижаешь ли Отчизну-мать,
Как будто бросила она ребенка
И ничего о нем не хочет знать?

Ты — жгучим зноем кованная сила,
Ты — мышцы, что терпеньем налились.
Ты мне напоминаешь кипарис,
Чьи корни грубость нищеты вспоила.

Бывает больно иногда смотреть
На океан слепительный и синий,

---

¹ Бахшиш — подаяние.

Взглянуть на лик, что потемнел, как медь,
Еще больней — я поняла отныне.

Твою печаль я сердцем узнаю.
Тебя все время точит, точит мука.
Не так ли ствол могучий каучука
По капле источает мощь свою?

О, если бы плоды созрели сразу
В тепле, в слезах твоих раскрытых глаз!
Но зуб неймет, хотя и видно глазу,
В стране, что райским садом разрослась!

Ты создал край, подобный сновиденью,
Оберегаешь каждый лепесток.
Чтоб на него не сел и мотылек,
А сам бредешь бездомной, чуждой тенью.

На древней сей земле священен слон,
Повсюду почитается корова,
Лишь ты, изгой, бедой испепелен,
Лишь ты, хозяин, не имеешь крова.
Когда ж ты робкое свое «Бахшиш!»
В меч разума и правды превратишь?

Твоя нужда растет, как листья чая
Твоих полей... Ужели сто богов
Блаженствуют на ложе облаков,
Не слушая тебя, не замечая?

«Бахшиш!..» Глаза и сердце, как рука,
Протянуты... О чем ты просишь страстно?
Брат, сердце я тебе отдать согласна,
А медью не унижу бедняка!

Ты просишь счастья! Но его не просят,
Оно твое. Оно в земле, в реке,
В твоих садах, что щедро плодоносят,
В твоей ко мне протянутой руке!

1965

ЧУЖАЯ
НОЧЬ

Трудно длится ночь в чужой стране.
Темный город не сулит мне встречи.
Скоро ль острых звезд засветят мне
Электрические свечи?

Все вокруг чужое, я одна,
От родных вдали, но в колыханье
Воздуха мне слышится дыханье:
То со мною здесь моя страна.

Силы черпаю в ее отваге
И живу, дышу ее добром.
Не она ли водит по бумаге
Здесь моим пером?

Ночь таинственная и чужая,
Ты прочтешь ли рукопись мою?
Запоешь ли, заново слагая,
Песню ту, что я сейчас пою?

Чужеземка, вникни в эти строки.
Ты темна, а рукопись ясна:
Здесь огонь, что вспыхнул на Востоке,
Жизнь моя, моя страна.

1965

154

ПЛОВЕЦ И
МЕЧТА

Как солнце жидкое, на юге
Переливается вода,
Где плавают мои подруги.
Я им завидую всегда.
Им в море весело резвиться,
А я стою на берегу
И чувствую с тоской: я птица,
Но полететь я не могу.

Я вижу: девочка надела
Спасательный воздушный круг,
И в море маленькое тело
Вошло неспешно и несмело,
И волны расступились вдруг
Перед этой детскою отвагой,
Что спорила с морской влагой,
Мужая в торжестве своем.

Так в море жизни мы плывем.

Плывем и не глядим с испугом
На синь, что всюду разлита,
И благородная мечта
Спасательным нам служит кругом.

И на какой бы широте
Валы морские ни шумели,
Пловец, доверившись мечте,
Достигнет заповедной цели.

1965

ЗВЕЗДЫ
ВУАДИЛЯ

К нам в Вуадиль приехал гость далекий.
А ночь в речном потоке
Звенит, поет,
Деревья за руки берет
И загораживает путь,
Как будто говорит: «У нас побудь!..»
Покой огромен,
Долог,
И темен-темен
Полог.

Вдруг звезды жаркие зажглись,
И пламя озарило высь,
И каждый листик на земле, и завязь...
Не так ли добрая пылает зависть,
И сердце, где друзей не молкнут голоса,
И гостя старые и умные глаза!

* * *

Наш гость в такую ночь не хочет сна,
Не принял он снотворного.
Его душа потрясена
Мгучей красотой края горного.

И различает взор,
Что к темноте уже приучен:
По гребням снежных и бесснежных гор,
Из-за ветвей урючин,
Листву чинар тысячелетних
То золота, то серебра,
Плывет в одеждах легких, летних
Рассветная заря.

Пленила гостя эта прелесть!
Казалось, из-за гор
Внезапно искры разлетелись,
Рассыпался ночной костер,
Долину радует
И каждый дом,
А звезды падают
Дождем, дождем...

* * *

Бродячий ветерок, прохлада ли ночная
Повеяли, благоухая,
Но гость уснул, и спал он как ребенок.

158

И вот почувствовал спросонок:
Земля с себя стряхнула сон.
И вместе с ней проснулся он.
Взглянул: по всей долине изумрудной,
Где воздуха струятся переливы,
Идет, сверкая, день работы трудной,
Горячий и счастливый.
А солнце плещется, не в силах уместиться
В сердцах людей.
Загаром кроются приветливые лица
У стариков и у детей.
Он по земле проходит древней,
Что Вуадилем названа.
Как можно Вуадиль считать деревней?
Здесь город, и живет здесь новизна
В своем стремительном сиянье!
Вот бронзовое изваянье:
Деревня на ладонях вознесла
Прославленного сына.
В плоды воплощены его дела.
И вся просторная, зеленая долина
Его благодарит за честные труды,
И на груди его три яркие звезды,
Что гостю звонко говорят,
Его язык осиял:

«То звезды новые горят,
То звезды Вуадия!»

* * *

Земля здесь трудится давно,
Видны ее трудов приметы вековые.
О, сколько мертвых здесь погребено,
Чтоб для живых работали живые!
И гость, сюда приехавший впервые,
Глядит, а сердце влюблено
В просторы эти полевые,
Где хлеб и слава — два соратника,
Где целый океан хлопчатника!

Старик, седой и смуглый,
Его лепешкой угощает круглой,
А девушки — зеленым чаем.
Глаза их звездами горят. Но мы-то знаем,
Что звезды эти —
Те самые, что на рассвете
Рассыпались над вуадильским краем!

* * *

— Так неужели здесь один колхоз? —
Гость задает вопрос.—
Здесь целый материк,
И он велик!
Хлопчатник — словно море, и оно
Деревьями окружено.
Но где же люди в море-океане?
Когда же здесь работают крестьяне?
— Час отдыха у нас.
Лишь солнце трудится без перерыва,—
Сказал старик неторопливо...

* * *

На полевом колхозном стане
Все больше девушек, парней,
И по полю рассыпались дехкане,
Как множество трепещущих огней.
Подвластна им зеленая долина,
Им подчинилась гордая машина.
Гость дышит полевым пахучим жаром.
На свете он живет давно,

161

Но солнце потекло сегодня, как вино,
По жилам старым.
И, сбросив тяжесть лет,
За поливальщиком пошел он вслед
И встал над яром.
Вода, не умолкая,
Как девушка смеялась озорная.
Казалось, говорит вода:
— Всегда, всегда
Я молода.
Иди за мной, в моем краю
Найдешь ты молодость свою.

* * *

Запомнился вечерний сад,
Где листья песню заводили,
Где вишни встали в ряд
Над гостем — вот они горят,
Как звезды Вуадиля!

Четыре девушки пришли с подарком,
Таким же ярким,
Как их Восток.

Вручают на прощание платок,
Расписан бисером он с четырех сторон.
Гость удивляется, как чуду:
— Повсюду звезды здесь, повсюду:
Украшен ими небосклон,
Они в глазах и на груди
Идущих впереди,
Они в саду, они в ночной реке,
Они на шелковом платке...

* * *

Гость покидает Вуадиль.
Его автомобиль
Покатится по улицам, одетым
Широким лунным светом.

Ночь азиатская вблизи и вдалеке
Зовет, пылает,
Счастливого пути на звездном языке
Ему желает.

Цветы у девушек в руках —
Как звезды в облаках.

Да, звезды здесь повсюду утвердили
Свои лучистые права,
И дружбы светятся слова,
Как звезды Вуадия!

1965

«Ты плакала?» — я слышу твой вопрос.
О, как неглубоко твое участие!
Поймешь ли, что источник этих слез
Там, где берет свое начало счастье?

ТАКОЕ СЕРДЦЕ
У МЕНЯ..

Такое сердце у меня, что в нем
Как будто бьются все сердца людские.
Для счастья столько звучных слов найдем,
А скорбь и боль беззвучны, как немые.

Вот женщина: красива, молода,
Известный хлопкороб, и часто речи
О ней слышны... Но к ней пришла беда:
Разлука, за которой нету встречи.

И та беда во мне отозвалась.
Что делать нам? Избавит ли от муки
Нас утешение, что боль разлуки
На свет с любовью вместе родилась?

Но горько мне, невыносимо горько!..
Течет река прозрачная с пригорка,
И камни разноцветные на дне
Как бы напоминают сюзане,

Что юной предназначено невесте,
И мучусь я с моей подругой вместе...
«Зачем ты плачешь?» — говоришь ты мне.

Я плачу, потому что знаю счастье —
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее приращье,
Со всеми боль делить, как делят хлеб.

Как будто зеркалами жизни стали
Мои глаза, что ненавидят зло.
Мне от такого счастья так светло,
Что вижу я невиданные дали!
Ты друг мой? Так на слезы не гляди,
А растворишься в потоке счастья светлом.
Ты недруг мой? Так рядом не иди:
Ты захлебнешься, сломлен резким ветром.

И след, что ты оставишь на пути,
Слезам светоносными я смою...
О, как полна я радостью земною!
Пусть никогда я не приду к покою,
Лишь так, и только так хочу идти!

1965

Как будто требуя с деревьев дани,
Шумит новорожденная река,
В которой отразились облака.

ВСЕ
ПОМЫСЛЫ МОИ
В ШАХИМАРДАНЕ

Все помыслы мои в Шахимардане.
Я среди гор, а горы выше нас.
С охапкою цветов в безмолвный час
Я поднялась к поэту на вершину.
Он спит, учитель мой. А я стою.
Я принесла сюда мою судьбину,
Все, чем живу, что век я не покину,—
Мое перо, поэзию мою.

Прислушиваюсь к скорбному затишью.
Ни жалобы, ни вздоха, ни слезы
В природе этих гор. Я только слышу
Живое сердце нашего Хамзы,
И в шуме ливня, в звонком шуме света,
Мне кажется, я слышу разговор.
Мне кажется, вершины снежных гор
Читают облакам стихи поэта.

Мне кажется, идет живой Хамза,
Идет Хамза по травам в свежих росах.

Для бедняка усталого он — посох,
Он для слепого — зоркие глаза,
Он — воля для борца, он для немого —
В мучениях родившееся слово.
Он среди тех, кто в царстве лжи унижен,
Кто по законам лжи всегда неправ.
Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам.
И песнь, расправив крылья вместе с веком,
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

Как новый мир, сияет лоб широкий,
Вокруг не молкнут горные потоки,
Неистовых страстей водоворот.
Поэт все чаще, чаще хмурит брови,
Но говорит он каждой каплей крови:
«Пусть Ленин в кишлаках у нас живет!»

И вот я выхожу из мавзолея,
Где боль далеких лет, где спит поэт,
А в сердце возникает, пламенея,
Свет Ленина, неугасимый свет.
И голоском таким же серебристым,

Как стих певца, чарующий сердца,
Рассказывает девушка туристам
О гибели поэта и борца.

И все идут в музей, полны раздумий.
Здесь нет голов отрубленных и мумий,
Изображений шахов и князей,
Не блещет и кольчугами музей.
Но здесь Хамза: то с Куйбышевым рядом,
То посреди подруг, в кругу сестер,
Что сбрасывают паранджу в костер,
То он творит стихи, глядит в простор
Задумчивым и напряженным взглядом.
Здесь песня есть с ее высоким ладом.
Всю обстановку воссоздал музей:
Любовь и верность боевых друзей,
Народный гнев, что низвергался градом.
Здесь все, но мы не видим черной тьмы,
Увенчанной обманами чалмы,
Напитанной смертельным мерзким ядом,
Не видим тьмы, что, прячась там, внизу,
Убила — чалмоносная — Хамзу.

Он молод был, так беззащитно молод!
Утес, что черной молнией расколот,

Степь, на которой длился долгий бой,
Песнь, удивленная своей судьбой,—
Вот так на фотографии темнело
Убийцами истерзанное тело.
Листок сжимает смуглая рука,
И не допета на листке строка.

Мне кажется, вовек я не устану
Бродить по новому Шахимардану.
Он назван в честь певца — Хамзаабад.
Стихотворение напоминая,
Бежит родник, бежит струя сквозная,
И падают слова, как водопад.

Я книгу раскрываю на припеке...
Ужели воздух раскален, как печь,
Ужели это солнце хочет сжечь
В моих руках трепещущие строки?
Но нет, прохладой веет на востоке,
И каждый луч летит, летит скорей
К приволью пионерских лагерей.

Смотрю: отряд цветов голубокий
Выходит из-под снежных покрывал,
Чтоб стать среди долины на привал,

И радости взмывает вал высокий,
И кажется, что день запировал.
А я иду и знаю: не устану
Я учинять допрос Шахимардану.

Земля моя! Пред каждую твою
Пылинкою склониться я готова,
Но ты ответь мне, боль мою развей:
Ужель его не услышала зова?
Ужель к добру ты приравняла зло?
Как ты могла дарить свое тепло
Исчадьям тьмы и песнопевцу света?
Иль ты была чужда судьбе поэта?
Иль ты была, родная, так слепа
Безумной материнской слепотою,
Что, этой кровью жертвуя святою,
В тот миг ты не разверзлась, чтоб толпа
Фанатиков во мгле твоей сокрылась?
Зачем волкам ты оказала милость?
Волков уничтожают — вот закон,
Который светом и добром рожден!

Вы, горы, выше нас. Ветрам и бурям
Дорогу преграждали вы не раз.
Когда на вас глядим, глаза мы шурим,—

Ведь солнце дремлет на плечах у вас!
Так почему ж, услышав бурь свирепость,
Глухими вы остались, точно крепость
Трусливого и слабого царя?
Когда ночная тьма, разбой творя,
Свободу и поэзию душила,
Куда девалась, горы, ваша сила?
Пусть вы его оплакали потом,
А стали вы тогда ему щитом?

Вода, вода! Как песня, ты желанна,
Свободна, как душа Узбекистана,
Могуча, как законы светлых книг.
Зачем не защитила ты родник
Кипучих песен, чистоты душевной?
Зачем ты не размыла берега,
Зачем ты не низверглась на врага
Всей мощью светоносною и гневной?
Нет, я такой обиды не снесу!
Зачем, река Ак-су, зачем, Кок-су,
К поэту вы не протянули руки
И не спасли его от смертной муки?

Вы, ураганы, бури и ветра!
Зачем вы не вопили до утра,

Зачем тогда всю ночь не завывали,
Зачем с вершин вы камни не срывали,
Чтоб их обрушить на свирепый сброд?
О, если бы к народу вы воззвали,
Певца сумел бы защитить народ!

А ты, мой стих? Родился ты певучим,
Ты звонким окрыляешься созвучьем,
Летишь ты по земле, не зная сна,
Но ты — известный иль не знаменитый —
Запомни: чтобы правде стать защитой,
Тебе отвага воина нужна.

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета,
Что в мире есть наследники Хамзы!

1965

ЗЕРКАЛО

Нас провожал в дорогу день погожий,
Здесь — дождь и дождь, и тысячи людей
Под зонтиками на грибы похожи.
Сезон дождей.

Наборщицы со свежую газетой
У типографии в условный час
Советской песней, по-японски спетой,
Встречают нас.

Темны их пальцы и темны спецовки,
Но в их глазах какой-то светлый зов.
Сердца их бьются, как слова листовки,
Слова борцов.

Старинных знаков их не понимая,
Почувствую листовок правоту:
Они, как чайки, в теплый вечер мая
Взлетят в порту...

Вслед за хозяином проходим чинно.
Работницы нас ждали, как сестер,
Но заглушает гулкая машина
Их разговор.

Нам по старинке поклонились низко
Все, ни на миг работы не прервав,
И дернула меня линотипистка
Вдруг за рукав.

Два зеркальца она в руке держала,
Одно из них она вручила мне,—
Оно подруги прелесть отражало
В чужой стране.

Работа, напряженная работа
Людей и созданных людьми станков...
Там, где ценнее жемчуг Макамото
Всех жемчугов,—

Я поняла, что и жемчужин краше
Та дружба, что вошла в судьбу мою,
И зеркало рабочей дружки нашей
Не разобью!

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Кто сказал, что дорога моя тяжела,
Что узнала я рано тоску одиночества,
Что в разлуке с любимым я жизнь провела?
Нет, мы вместе, и счастья все больше мне хочется!

Кто сказал, будто за сердце горе берет,
Если женского счастья не ведает женщина?
Нет, счастливой меня называет народ,
И в стихах моих каждому счастье обещаю!

Тот, в чьем сердце не вспыхнула счастья звезда,
Разве чувствует горе о том, что утрачено?
Счастье есть и в любви, что ушла навсегда,
Если этой любовью вся жизнь обозначена.

Счастье женщины? Что ж, я у женщин спрошу:
Разве я не счастливей царицы-владычицы?
Я — в народной любви. Я дышу и пишу
Для того, чтобы счастье могло увеличиться.
Я иду по дороге, любимым завещанной.
Прав народ, что счастливой назвал меня женщиной!

1965

- 9 • ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я. *Перевел В. Державин* ✓
 12 • ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. *Перевела С. Сомова*
 ➤ 14 • НЕВЕСТА. *Перевел Н. Гребнев*
 17 • СИРЕНЬ. *Перевел Н. Гребнев*
 18 • СОЛОВЕЙ. *Перевела С. Сомова*
 19 • СНЕГ. *Перевела С. Сомова*
 21 • ВЕСНА. *Перевел Н. Ушаков*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- 27 ЗАВИСТЬ. *Перевел С. Липкин*
 30 ФАРХАДОМ ЗВАЛСЯ ОН. *Перевел Л. Хаустов*
 41 САДОВНИК ДАЛЕКО. *Перевела С. Сомова*
 43 НАВСТРЕЧУ. *Перевела С. Сомова*
 46 ДВЕ ПОДРУГИ. *Перевела С. Сомова*
 51 МАТЬ. *Перевела С. Сомова*
 54 ЖЕНЩИНА В ПАРАНДЖЕ. *Перевел Н. Гребнев*
 57 МАРТОВСКИМ УТРОМ. *Перевела С. Сомова*
 59 СВЕТА. *Перевел С. Липкин*
 61 ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ. *Перевел Н. Гребнев*
 62 ЧАСТИЦА СОЛНЦА. *Перевел Н. Гребнев*
 64 • ДЕРЕВО. *Перевел С. Липкин*
 65 ОСЕНЬ. *Перевел С. Липкин*

- 66 СЕРДЦЕ ВСЕГДА В ПУТИ. *Перевел С. Липкин*
67 ЧИТАТЕЛЯМ. *Перевел С. Липкин*

3

- 71 * ПРИЗНАНИЕ. *Перевел С. Липкин*
73 * СЮЗАНЕ. *Перевела С. Сомова*
76 * ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ. *Перевел Л. Кондырев*
79 * МЕЧТА. *Перевел С. Липкин*
82 * ПОРТРЕТ, КОТОРЫЙ Я ЕЩЕ ДОЛЖНА НАПИСАТЬ. *Перевела С. Сомова*
84 * ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ. *Перевела М. Алигер*
88 * ЗАЦВЕЛ УРЮК. *Перевел К. Симонов*
91 * МОЯ ПЕЧАЛЬ, ТВОЯ БЕДА... *Перевел С. Липкин*
92 * «МОЙ ДРУГ, ТЫ СПИШЬ В ЗЕМЛЕ...» *Перевел С. Липкин*
93 * «ВСЕ ПРЕКРАСНОЕ, СВЯТОЕ...» *Перевел С. Липкин*
94 * КАПЛЯ. *Перевел С. Липкин*
97 * ЗВЕЗДА. *Перевел С. Липкин*
98 * КРАТКАЯ ВСТРЕЧА. *Перевел С. Липкин*
100 * В ОКЕАНЕ. *Перевел С. Липкин*

4

- 105 МУШОИРА. *Перевел С. Липкин*
111 В СОСНОВОМ ЛЕСУ. *Перевела С. Сомова*
113 ДОБРОЕ УТРО, ЛЮДИ МИРА! *Перевела С. Сомова*

- 116 ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ... *Перевел С. Липкин*
119 НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ! *Перевел С. Липкин*
122 ТЕБЕ, ЕГИПЕТ! *Перевел С. Липкин*
124 НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ. *Перевел С. Липкин*
125 КОКЧЕТАУ. *Перевел С. Липкин*
128 ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ. *Перевел С. Липкин*
130 ВЕЧЕР НА БАЛХАШЕ. *Перевел С. Липкин*
133 ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА. *Перевел С. Липкин*

5

- 139 ДУМЫ. *Перевел С. Липкин*
142 САДОВНИК. *Перевел С. Липкин*
146 ВЕЧЕР. *Перевел С. Липкин*
147 ВИШНИ, СТОЯЩИЕ В ОДНОМ РЯДУ. *Перевел С. Липкин*
148 НЕБОЛЬШОЕ СЕЛЕНЬЕ. *Перевел С. Липкин*
150 МОЛОДАЯ ВДОВА. *Перевел С. Липкин*
151 БАХШИШ. *Перевел С. Липкин*
154 ЧУЖАЯ НОЧЬ. *Перевел С. Липкин*
155 ПЛОВЕЦ И МЕЧТА. *Перевел С. Липкин*
157 ЗВЕЗДЫ ВУАДИЛЯ. *Перевел С. Липкин*
165 ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ... *Перевел С. Липкин*
167 ВСЕ ПОМЫСЛЫ МОИ В ШАХИМАРДАНЕ. *Перевел С. Липкин*
174 ЗЕРКАЛО. *Перевел С. Липкин*
176 ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ. *Перевел С. Липкин*

*Зульфия
(Исраилова Зульфия)*

МОЯ ВЕСНА

М., «Советский писатель», 1967, 180 стр.
Тем. план выпуска 1967 г. № 334

Редактор *Г. Г. Кузнецова*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*
Корректор *М. А. Ойсольт*

Сдано в набор 14/XII 1966 г.
Подписано к печати 25/IV 1967 г.
А 10243. Бумага 62×70¹/₁₆ литогр.
Печ. л. 11¹/₄ (8,77). Уч.-изд. л. 4,69.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 405.
Цена в пер. № 7 — 81 коп., в обл. — 57 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездинковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете
Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109